

РУСЬ В IX–XII ВЕКАХ

ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, КУЛЬТУРА

РУСЬ В IX–XII ВЕКАХ
ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, КУЛЬТУРА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. А. МАКАРОВА
И
А. Е. ЛЕОНТЬЕВА

МОСКВА – ВОЛОГДА
«ДРЕВНОСТИ СЕВЕРА»
2014

Гнёздово. Денежно-вещевой клад 2001 г.
(случайная находка, ГИМ 110384, оп. 2762).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Находки деталей мечей ранних типов на территории Гнёздова

В ходе многолетних исследований Гнёздовского археологического комплекса получена крупнейшая на территории Древней Руси коллекция предметов вооружения раннегосударственного периода, насчитывающая несколько сотен единиц как наступательного, так и защитного вооружения. Столь значительное количество объясняется не только сравнительно хорошей сохранностью памятника и его многолетними исследованиями, но еще раз подчеркивает значение Гнёздова как важного пункта в системе политических и военных отношений эпохи складывающегося Древнерусского государства (Пушкина, Мурашёва, Ениосова, 2012, с. 272–273; Нефёдов, 2012, с. 285). Показателем высокой степени милитаризованности гнёздовского общества являются многочисленные

находки предметов, связанных с комплексом вооружения профессионального воина – мечи, сабли, боевые ножи, некоторые типы топоров, наконечники копий и стрел, защитное вооружение.

Обширная литература, посвященная мечам эпохи викингов, найденным в разных регионах Европы, делает эту категорию находок одной из наиболее важных при решении вопросов, связанных с хронологией памятника.

К настоящему времени мы располагаем данными о 27 целых мечах, их отдельных деталях и фрагментах, обнаруженных в Гнёздове в разное время и при разных обстоятельствах. Тип рукояти, в соответствии с типологией Я. Петерсена, уверенно определяется у 22 экземпляров (Таблица 1) (Kainov, 2012).

Таблица 1

Находки мечей на территории Гнёздова

ТИП МЕЧА	КОЛИЧЕСТВО	МЕСТО НАХОДКИ	
		поселение	курганы
особый тип 2/Mannheim	1 (деталь)	1	-
B	1 (деталь)	1	-
D	1	-	1
E	3	-	3
H	6 (3 целых + 3 детали)	2 (детали)	4 (3 целых + 1 деталь)
V	4	-	4
X	2 (детали)	2	
Y	1		1
тип неясен	2 (1-Y?) (1-E?)	-	2
тип установить невозможно	3	-	3
фрагменты клинков	2	1	1
накладка на рукоять	1	-	1
ВСЕГО	27	7	20

Предложенные в 1919 году в работе Я. Петерсена датировки типов мечей эпохи викингов, полученные на основе анализа норвежского материала, до сих пор являются основой для датировок мечей, найденных на всей европейской территории (Petersen, 1919). При этом зачастую именно они являются определяющими для хронологической локализации археологических комплексов, которые затем становятся основой для датировки и реконструкции различных исторических процессов, имевших место на той или иной территории. При этом практически без внимания остаются вопросы корректности самих датировок Я. Петерсена и возможность их переноса на территории, куда мечи импортировались.

На существование «хронологического разрыва» между норвежскими и «местными» датировками обратил внимание А. Н. Кирпичников, который указал, что ряд типов мечей, встреченных на территории Древней Руси, имеет более длительное бытование, нежели на территории Норвегии (Кирпичников, 1966, с. 27). Исследователь предположил, что «запаздывание» в развитии некоторых мечей из русских находок (типы D, E, H) на 50–100 лет относительно норвежских объясняется не длительным бытованием того или иного меча, позднее попавшего с севера или запада Европы на Русь, а источниковедческими и исследовательскими превратностями Нового времени (лучшая или худшая сохранность и разная частота

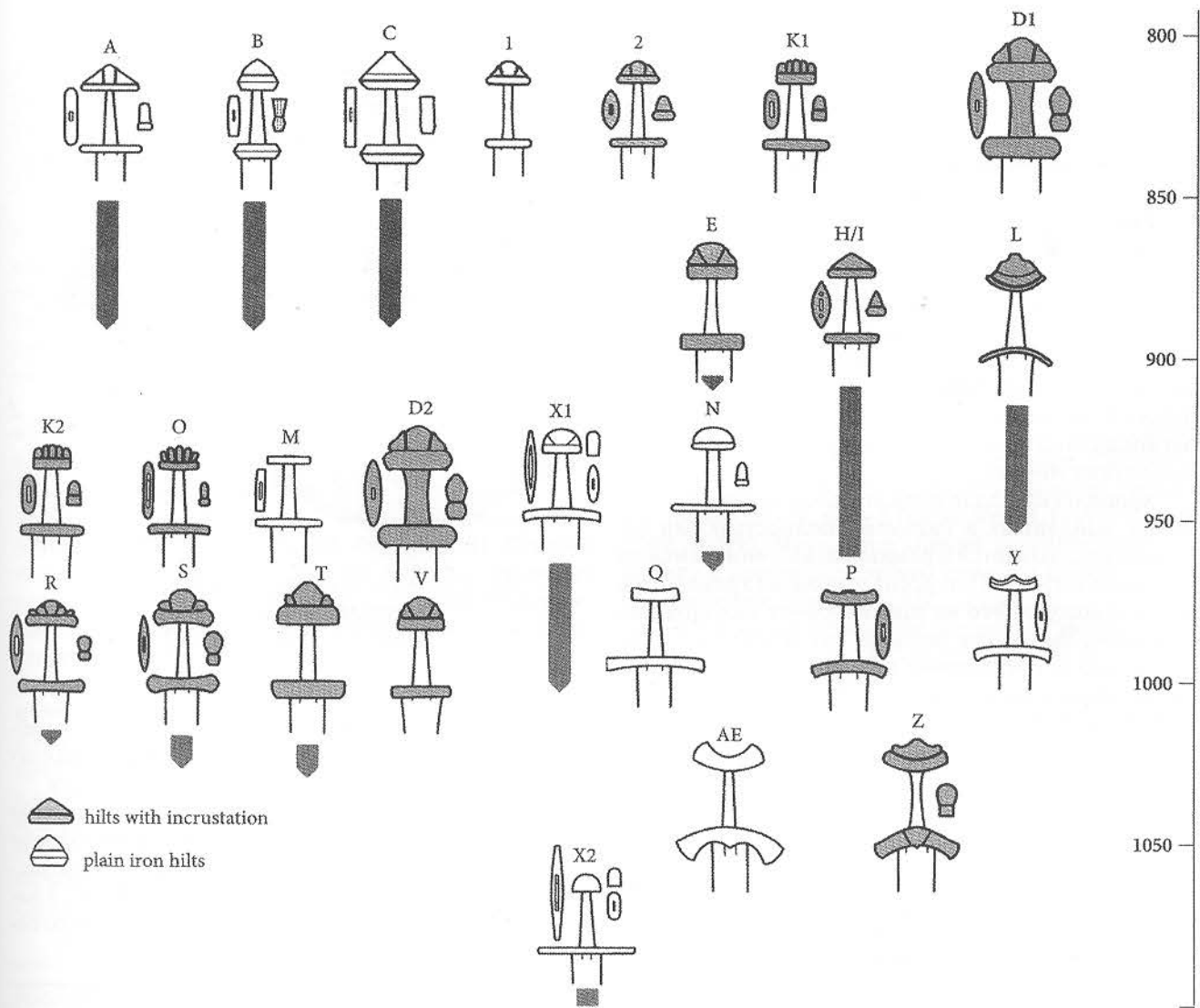

Рис. 1. Хронология мечей «эпохи викингов» (по Ф. А. Андрощуку)

находок археологического материала территориально, вероятное несовершенство некоторых старых хронологических наблюдений, возросшее количество аналогий и т.п.» (Кирпичников, 1966, с. 42).

Хронология мечей эпохи викингов подробно рассмотрена в монографии Ф.А. Андрощука (Андрощук, 2013, с. 137–166). Опираясь на работу Х. Симонссона, из которой следует, что Я. Петерсен при составлении своей хронологии использовал только двадцать профессионально раскопанных комплексов, Ф.А. Андрощук констатирует, что хронология мечей Я. Петерсена «может быть использована только как очень приблизительная схема относительной датировки мечей. Хронологическая схема Петерсена не предоставляет надежных датировок, а обозначает только основные тенденции преемственности типов» (Андрощук, 2013, с. 161; Simonsson, 1969). На основе анализа материалов погребений некоторых могильников Швеции, главным образом Бирки, Вальсърде, Ире, а также привлекая данные изобразительных источников, исследователь предложил свой взгляд на хронологию мечей эпохи викингов (Андрощук, 2013, с. 159, рис. 93, табл. VI:1) (рис. 1).

Разделяя мнение Ф.А. Андрощука о возможностях хронологии Я. Петерсена, отметим тем не менее, что предложенная «новая хронология» требует более развернутого обоснования. Также актуальным является вопрос о территориальных особенностях бытования тех или иных типов мечей – т.е. возможно ли создание единой европейской хронологии или необходимо говорить о региональных особенностях распространения и бытования мечей.

Хронология подавляющего большинства типов мечей, найденных в Гнёздово, полностью или частично укладывается в рамки X века – опираемся ли мы хронологию Я. Петерсена или же на хронологию Ф.А. Андрощука. Это не противоречит как археологическому контексту находок, так и наиболее обоснованной к настоящему моменту точке зрения о начале функционирования «дружинного» Гнёздова на рубеже IX–X вв. (Каинов, 2001, с. 60–62; Пушкина, Мурашёва, Ениосова, 2012, с. 271; Фетисов, 2013)¹.

¹ С.С. Ширинский, используя «опыт выборочной датировки отдельных курганных комплексов», выделяет среди гнёздовских курганов относящиеся, по его мнению, к IX веку (Ширинский, 1997, с. 199; Ширинский, 2008, с. 83–86). При этом хронологическая локализация погребального комплекса основывается на датировках не всех вещей, входящих в него, а только выборочных, что, по нашему мнению, приводит к неверным выводам. На ошибочность, например, ранней датировки кургана Л-47/Авд-1950 было указано в нашей статье (Каинов, 2001, с. 60–61).

Недавно была опубликована статья Й. Каллмера, в которой, основываясь на составе монетной коллекции, а также ряда находок ранних вещей (равноплечая фибула, салтовские перстни, обломок ладьевиного браслета, некоторые разновидности гребней, подвеска из сасанид-

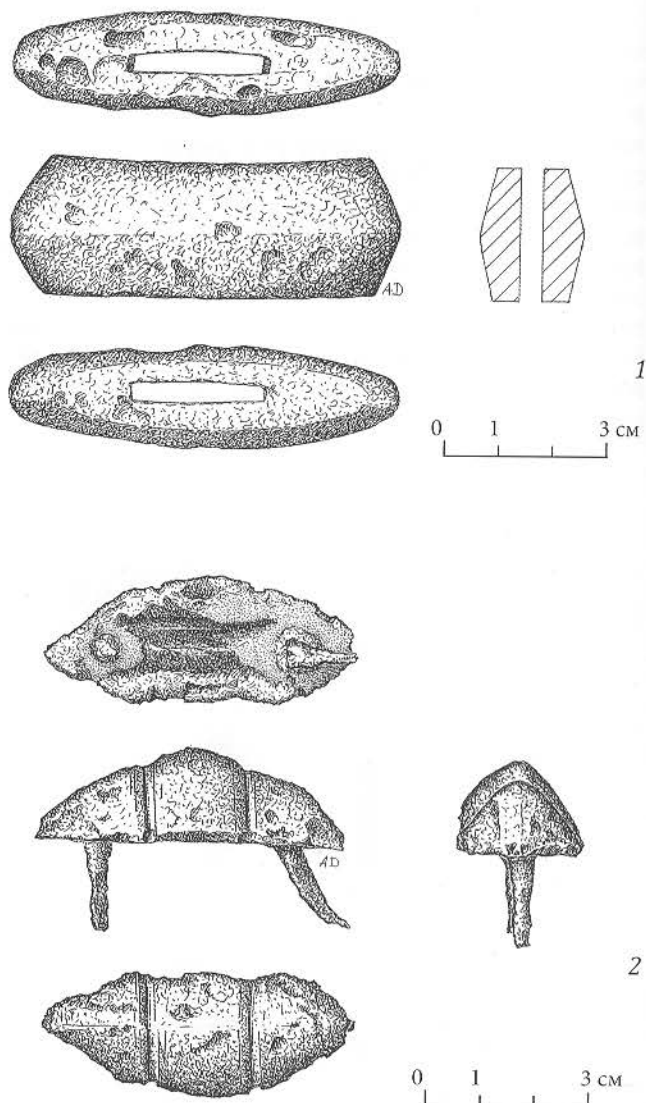

Рис. 2. Детали рукоятей мечей типа В (1) и особый 2/Mannheim (2). (Рис. А. С. Дементьевой)

Тем не менее при раскопках в Гнёздове были найдены две детали мечей, типологическая принадлежность которых не позволяет относить их к X веку.

Первая деталь представляет собой основание навершия от рукояти меча типа В по типологии Я. Петерсена. Она была найдена в 1972 году при раскопках восточной части селища (раскоп ВС-4), в непосредственной близости от вала Центрального городища (рис. 2: 1).

ской драхмы с приклепанными салтовскими бляшками), исследователь предполагает существование в первой половине или середине IX века на месте гнёздовского поселения стоянку североамериканских купцов, где осуществлялась торговля с местным населением, а также планировался дальнейший путь (Callmer, 2013, p. 71–72).

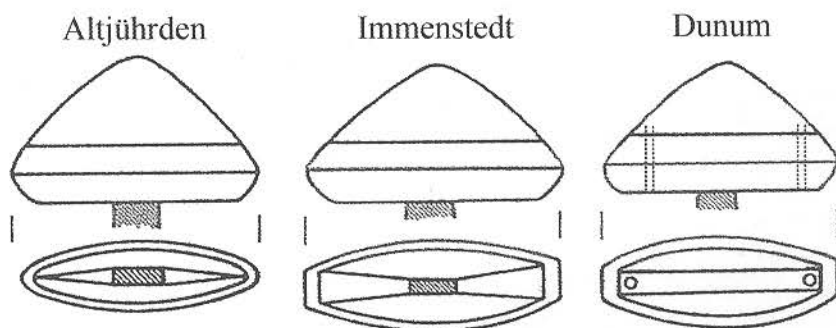

Рис. 3. Навершие рукоятей мечей типов Altjührden, Immenstedt, Dunum

Деталь представляет собой короткий и высокий железный брусок с четким горизонтальным ребром посередине. Верхняя плоскость чуть вогнута. В плане деталь имеет форму сильно вытянутого овала. Длина – 71 мм, высота – 25 мм, толщина – 19 мм, вес – 158 гр.

Я. Петерсен характеризовал рукояти мечей типа В следующим образом: «Перекрестья короткие, высокие, с ребром; в продольном сечении четырехугольные, с наибольшим расширением в середине. Головка навершия треугольная, прямоугольная в продольном сечении. Детали рукояти не украшены» (Петерсен, 2005, с. 98).

В дальнейшем изучение особенностей рукоятей мечей, отнесенных к типу В, позволило говорить о существовании форм, родственных этому типу. Так, Ф. Штайн, рассмотрев континентальный материал, выделила два типа – тип Immenstedt и тип Altjührden (Stein, 1967, р. 78–79) (рис. 3). Первый отличается узкими гранями на боковых сторонах перекрестия и основания навершия, продолжающимися на головку навершия. У второго типа эти грани отсутствовали и в плане основание навершия и перекрестия были ладьевидной формы. Еще один тип меча, родственного типу В, – тип Dunum выделил В. Менгин. Главным отличием этого типа является крепление основания к головке навершия двумя заклепками, что совсем не характерно для мечей типа В, у которых двусоставное навершие закреплялось при помощи расклепанного сверху навершия черена клинка (Menghin, 1980, р. 256). На территории Скандинавии подобные мечи не известны.

Ф. А. Андрощук предложил выделять среди мечей типа В, найденных как на территории Северной, так и Западной Европы, три основных варианта (Андрощук, 2013, с. 41–42) (рис. 4):

– вариант В1 – мечи с овальным и слегка уплощенным на концах основанием и в плане такой же формы перекрестием;

– вариант В2 – мечи с овальным в плане, с суживающимися концами основанием навершия и такой же формы перекрестием;

– вариант В3 – объединяет мечи с овальным и слегка уплощенным на концах основанием навершия и овальным в плане с суживающимся к концам перекрестием².

Вариант В1 наиболее схож с типом Immenstedt, а вариант В2 – с типом Altjührden (Androshchuk, 2007, р. 154).

Классификационная схема А. Гайбига, созданная на основе изучения немецкого материала и подробно учитывающая морфологические особенности мечей, позволяет выделять значительно большее количество вариантов мечей, которые можно атрибутировать типу В и сходным формам. Так, мечи типа В соотносятся с комбинационными типами 1 (варианты I–IV, VI) и 5 (варианты II, IV–VI) (Gaibig, 1991, р. 39). Мечи типа Dunum соответствуют варианту V комбинационного типа 1 и вариантам I и III комбинационного типа 5.

Гнёздовское основание навершия можно отнести к варианту В2 (по Ф. А. Андрощуку) или типу Altjührden (по Ф. Штайн).

На территории Европы найдено не менее 125 (без учета древнерусских находок) мечей типа В: Норвегия – 30, Швеция – 29, Германия – 29, Финляндия – 16, Аландские о-ва – 6, Дания – 3, Литва – 3, Эстония – 3, Латвия – 2, Голландия – 1, Франция – 1 (Jakobsson, 1992, р. 208; Андрощук, 2013, с. 42) (рис. 5).

Согласно Я. Петерсену, в Норвегии мечи типа В датируются второй половиной VIII в. Эта датировка принята исследователями и для мечей, найденных в других регионах. С критикой ранней датировки

² Выскажем сомнение в целесообразности выделения варианта В3, являющегося, по нашему мнению, всего лишь частным случаем сочетания перекрестия и навершия, характерных для мечей вариантов В1 и В2.

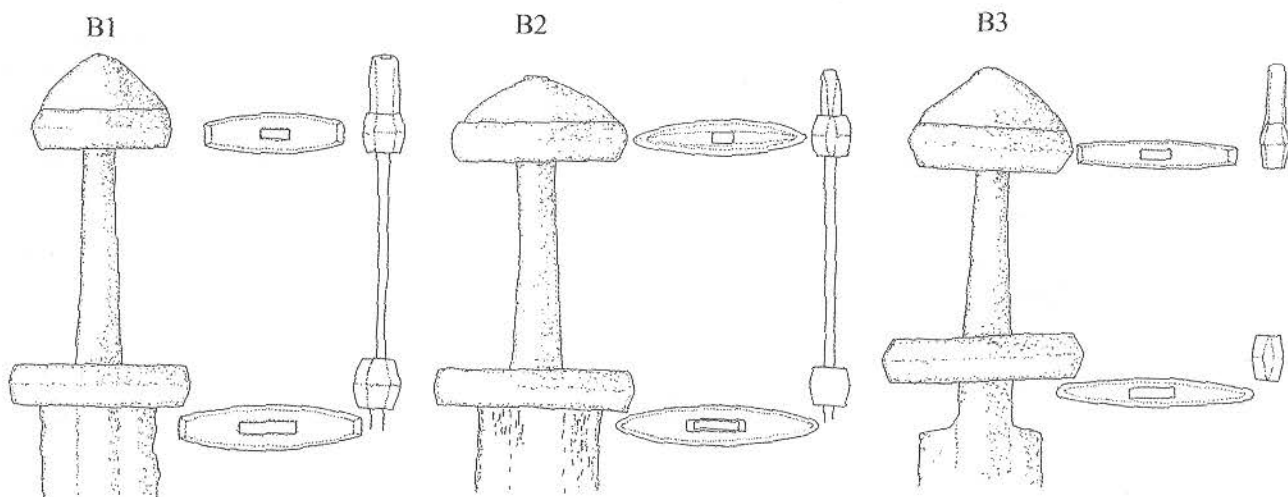

Рис. 4. Варианты мечей типа В (по Ф. А. Андрощуку)

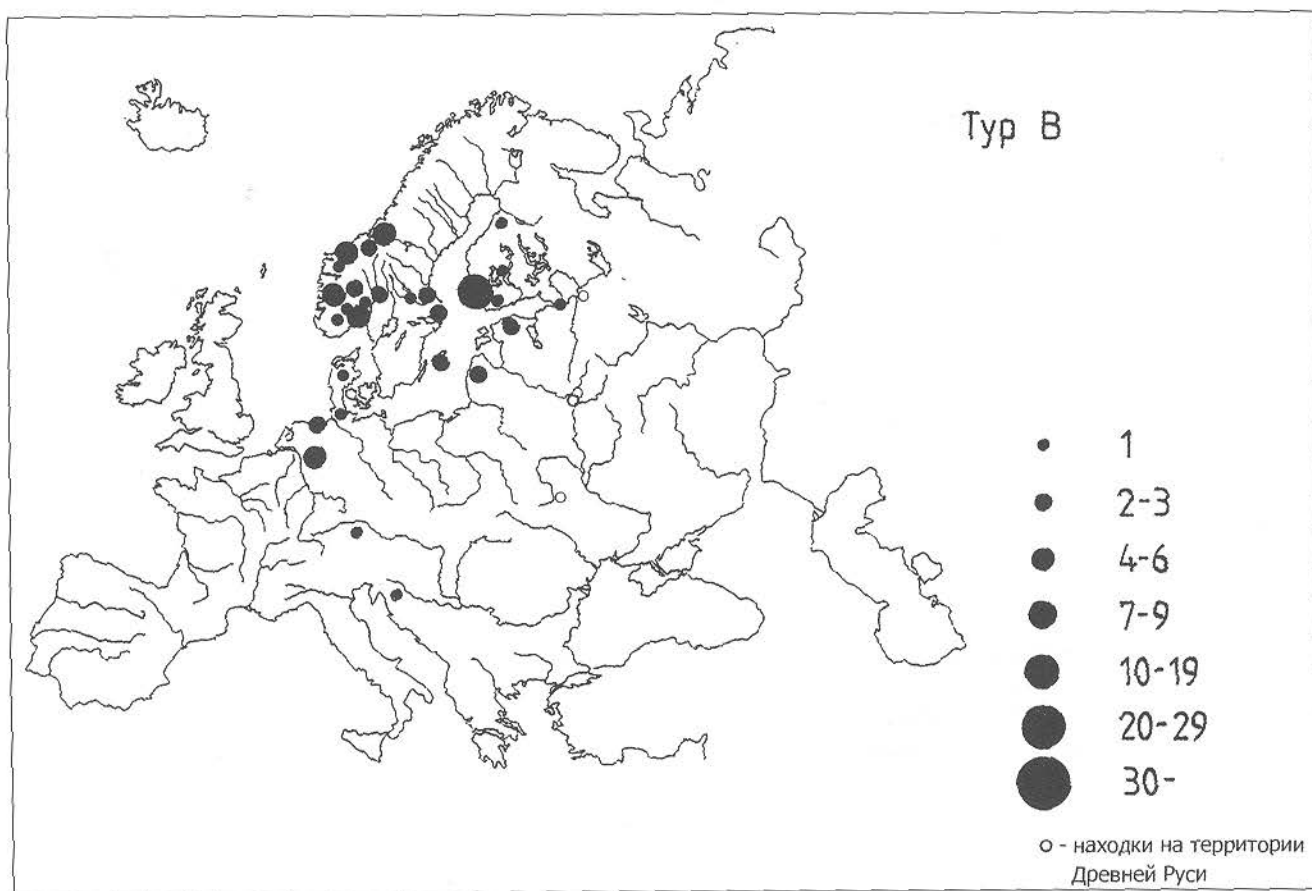

Рис. 5. Распространение мечей типа В (Jakobsson, 1992, p. 217)

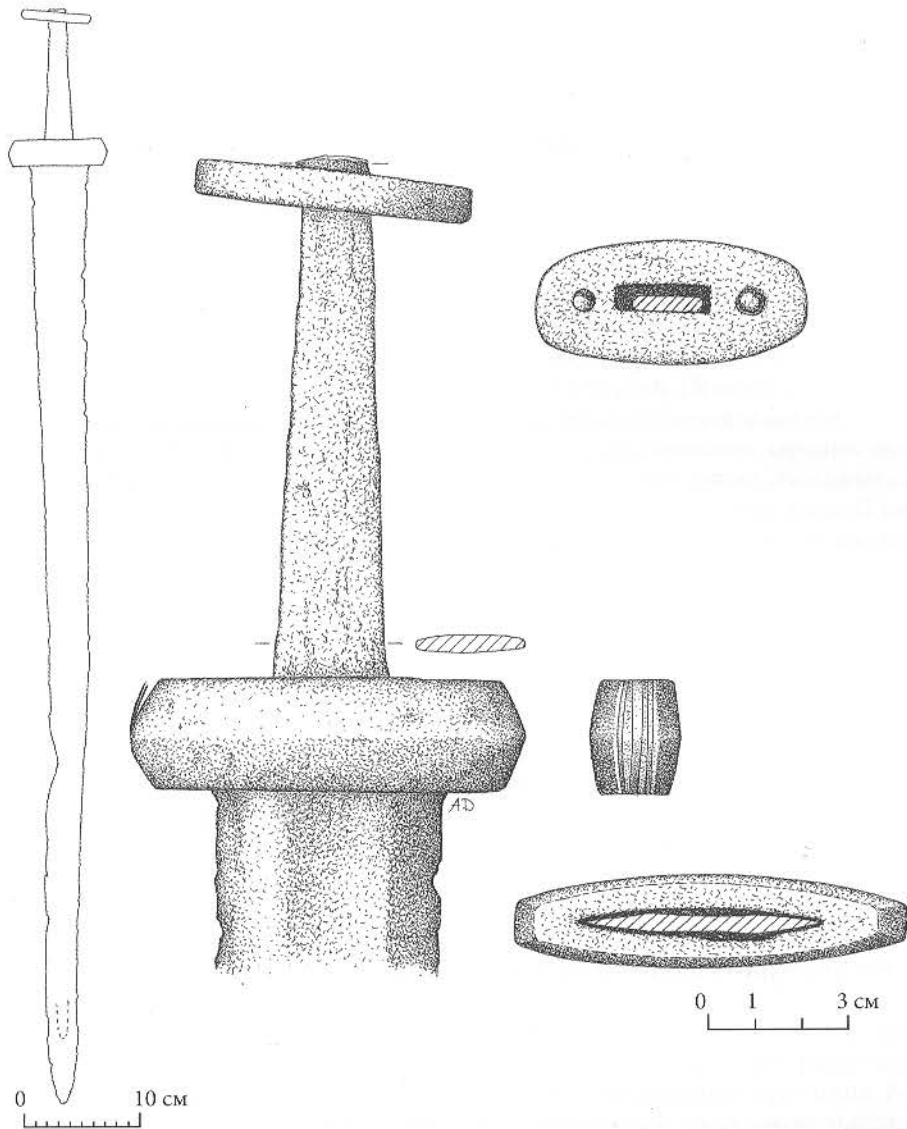

Рис. 6. Меч из кургана 5 могильника у д. Новосёлки (рис. А. С. Дементьевой)

типа В выступил Ф. А. Андрощук, который обосновал появление этого типа не ранее начала IX в. (Androshchuk, 2007, p. 15; Андрощук, 2013, с. 43–44). Верхнюю границу бытования мечей этого типа исследователь относит к концу IX века.

В Каталоге древнерусских мечей А. Н. Кирпичникова указано три меча типа В (Кирпичников, 1966, с. 26). Один из них найден при раскопках кургана № 5 около д. Новосёлки (Смоленская обл., Россия), расположенного всего в нескольких километрах от Гнёздова (рис. 6). По мнению В. С. Нефёдова, погребение в кургане 5 следует датировать второй четвертью X века (Нефёдов, 2001, с. 156; Шмидт, 2005, 160). Особо стоит отметить, что, собственно, к типу В можно отнести только перекрестие меча

из Новосёлок³. Навершие, характерное для этого типа, заменено на основание навершия от рукояти меча другого типа (типа N?)⁴. По морфологическим признакам перекрестие меча относится к варианту В1 (по Ф. А. Андрощуку). В то же время перекрестие имеет особенность, которая выделяет его из основной массы мечей этого типа, – орнаментация

³ Клинок меча, судя по соответствию его ширины и размера отверстия под клинок в перекрестии, скорее всего, присутствовал в первоначальной сборке меча из Новосёлок.

⁴ Аналогичные основания наверший встречены у двух мечей из Германии (Oedt-Mülhausen, Bederkesa) (Gaibig, 2001, Taf. 105, 1–5; Taf. 115, 1–4). В обоих случаях у мечей отсутствовали головки навершия. Меч из музея города Bederkesa датируется IX веком (Gaibig, 1991, Kat. Nr. 185).

боковых торцевых сторон в виде трех вертикальных инкрустированных проволочек цветного металла (медносодержащий сплав). Толщина боковых проволок – около 1 мм, центральной – 2 мм. Аналогичная инкрустация выявлена на перекрестии и основании навершия меча из Голландии (provinse Limburg), который, по мнению Я. Пирса, относится или к типу В или к переходному варианту между типами В и Н (Pierce, 2002, р. 34–35)⁵. Последнее обусловлено тем, что головка навершия у этого меча скреплена с основанием заклепками (как у типа Н), а не при помощи черена рукояти, проходящего через головку и основание навершия (как у типа В). Но в отличие от типа Н, поверхность деталей рукояти голландского меча полностью лишена орнаментации. Подобные мечи, как указывалось выше, были выделены В. Менгиным в тип Dupum, который распространен только на территории континентальной Европы и отсутствует в Скандинавии.

Учитывая наличие на перекрестиях мечей из Новосёлки и Голландии схожей инкрустации, насколько известно автору, вообще не встречающейся у мечей «классического» типа В, а также полное морфологическое сходство обоих перекрестий, можно предположить, что и перекрестие из Новосёлки изначально, до его перемонтировки, также принадлежало мечу типа Dupum.

Остальные два древнерусских меча типа В сохранились полностью. Один из них случайно найден у д. Бор на р. Оять в Юго-Восточном Приладожье (Россия). Он обнаружен воткнутом в землю и, видимо, происходил из разрушенного погребения (Raudonikas, 1930, р. 113, 114). Место, где был найден третий меч, хранившийся в коллекции А. А. Бобринского, до некоторых пор считалось неизвестным. Недавно Ф. А. Андрощук обнаружил в архиве Т. Арне записи, которые позволили установить, что вышеупомянутый меч найден при случайных обстоятельствах в 60-х годах XIX века у с. Бичева (Любарский район Житомирской обл., Украина) (Андрощук, 2008, с. 11–12, рис. 3). К сожалению, отсутствие зафиксированного археологического контекста не позволяет датировать эти два меча.

Основание навершия меча из Гнёздова найдено в заполнении ямы № 1 (раскоп ВС-4/1972 г.) вместе с круговой керамикой, что ограничивает нижнюю границу попадания мечевой детали в комплекс 20–30 гг. X века – времени появления гончарного круга в Гнёздове (Асташова, Авдусин, 1972, с. 53–56; Мурашова, Ениосова, Фетисов, 2007, с. 69).

Вторая интересующая нас деталь меча обнаружена в 1987 году при раскопках Центрального городища (раскоп ЦГ-XX, примыкающий с западной стороны к валу городища).

⁵ На боковой стороне основания навершия, сохранившегося значительно хуже перекрестия, выявлена только одиночная канавка под инкрустацию (Pierce, 2002, р. 34).

Она представляет собой верхнюю часть навершия рукояти меча, изготовленную из железа и разделенную вертикально расположенными углублениями на три части. Центральная часть незначительно выше боковых (рис. 2: 2). Оригинальная поверхность детали сохранилась плохо, тем не менее удалось проследить небольшие фрагменты проволоки из цветного металла, а также канавки под инкрустацию проволокой. Расположение фрагментов проволоки и канавок под инкрустацию позволяют заключить, что фронтальная поверхность детали (или ее часть) была покрыта вертикально расположенной проволочной инкрустацией. В углубления, разделяющие деталь на три части, была вставлена проволока, остатки которой зафиксированы в нижней части двух углублений. На торцевой плоскости частично сохранилось покрытие из сплава на основе меди⁶, внешние границы которого выступали за край детали, тем самым образуя орнаментальную полосу, разделяющую нижнюю (несохранившуюся) и верхнюю детали навершия. В центральной части торцевой плоскости грубо проделано углубление с целью уменьшить вес детали. В боковые части детали насквозь вставлены два железных штыря, скреплявших головку и основание навершия.

Длина навершия – 5,7 см, высота – 1,7 см, реконструируемая ширина – 2,5 см. Вес – 62 гр. Сохранившаяся длина штифтов – 1,7–1,8 см⁷. Диаметр штырей – 4–5 мм.

Описываемая деталь находит наибольшие соответствия среди мечей особого типа 2 по типологии Я. Петерсена и в меньшей степени – типа Mannheim, родственного особому типу 2.

Я. Петерсен характеризовал рукояти мечей особого типа 2 следующим образом: «навершие двусоставное, перекрестья широкие, с ребром. Головка навершия трехчастная, центральная часть немного выше, чем крайние. Детали рукояти орнаментированы серебряными проволочками, забитыми в проделанные в железной основе вертикальные канавки» (Петерсен, 2005, с. 120).

Тип Mannheim был выделен Х. Янкуном в статье 1939 года (Jankuhn, 1939). Отличие мечей этого типа от особого типа 2 состоит в горизонтальных орнаментальных поясах, проходящих по центру пере-

⁶ Анализы, выполненные в отделе археологических памятников Исторического музея с помощью микроанализа флуоресцентного спектрометра M1 MISTRAL SDD, позволяют утверждать, что весь цветной металл, использованный при декорировке головки навершия, относится к многокомпонентным латуням (Ениосова и др., 2008, с. 129, табл. 2.7).

	(Cu)	(Zn)	Sn	Pb	Bi	Ag
Инкрустация	85.24	6.00	2.92	4.53	0.21	1.11
Прокладка	87.94	5.04	2.66	3.41	0.14	0.80
Проволока	86.04	7.87	1.74	3.95	0.00	0.40

⁷ Длина штырей позволяет предположить, что высота основания навершия составляла около 1,8 см.

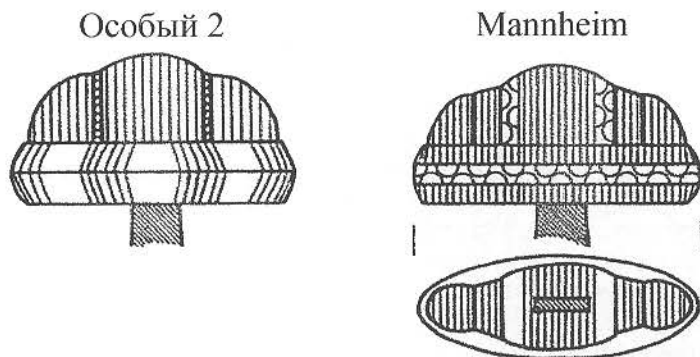

Рис. 7. Навершия рукоятей мечей особого типа 2 и типа Mannheim

крестия и основания навершия. Два таких же пояска расположены вертикально и на центральной части головки навершия (рис. 7).

К специальному изучению мечей особых типов 1, 2 (по Я. Петерсену) и типа Mannheim обращались английские исследователи Г. Дюннин и В. Эвисон (Dunning, Evison, 1964, p. 131–137). На основе особенностей морфологии и орнамента были выделены три варианта мечей, отнесенных к группе 2. Гнёздовская головка навершия наиболее схожа с вариантами 2a (наиболее соответствует типу Mannheim) и 2b (соответствует особому типу 2 по типологии Я. Петерсена). По форме и наличию вертикальной инкрустации гнёздовская находка наиболее схожа с деталями рукояти меча из Wijk bij Duurstede, Голландия (тип 2b) (рис. 8) (Dunning, Evison, 1964, p. 133, fig. 3:11). Определенное сходство в форме также прослеживается и с навершием меча из De Wierhuizen, Голландия (тип 2a) (там же, p. 135, fig. 4).

Уверенно атрибутировать гнёздовскую деталь мечу особого типа 2 мешает то обстоятельство, что крепление верхней и нижней частей навершия у этих мечей, насколько известно автору из публикаций, осуществлялось при помощи черена клинка. А как было отмечено выше, деталь из Гнёздова крепилась к основанию навершия железными штырями. Возможно несколько объяснений. Во-первых, деталь могла принадлежать мечу типа Mannheim, у которых в ряде случаев отмечено крепление деталей навершия при помощи черена рукояти. Отсутствие следов крепления вертикальных орнаментальных полос можно объяснить плохой сохранностью поверхности предмета. Во-вторых, нельзя полностью отрицать возможность существования варианта крепления деталей навершия мечей особого типа 2 при помощи штырей. Их отсутствие выглядит странным при учете того, что оба конструктивных типа сборки навершия присутствуют у мечей типа Mannheim и особого типа 1, существовавших одновременно с особым типом 2.

По подсчетам М. Якобссона, в Европе найдено не менее 29 мечей особого типа 2 (Бельгия – 1, Великобритания – 2, Финляндия – 5, Голландия – 5, Норвегия – 2, Польша – 1, Швеция – 4, Эстония – 1, Германия – 7, Франция – 1) и не менее 24 мечей типа Mannheim (Дания – 1, Германия – 10, Нидерланды – 1, Швеция – 7, Норвегия – 1, Финляндия – 2, территория Пруссии – 1, Польша – 1) (Jakobsson, 1992, p. 211, 215) (рис. 9). Деталь навершия из Гнёздова является самой восточной находкой одного из этих типов мечей и самой ранней находкой меча «эпохи викингов» на территории Древней Руси.

Хронологическая локализация мечей особого типа 2 большинством исследователей определяется в рамках второй половины VIII – первой половины IX в., типа Mannheim – второй половины VIII – начала IX в. (Вешнякова, 2005, с. 320). Ф. А. Андрощук

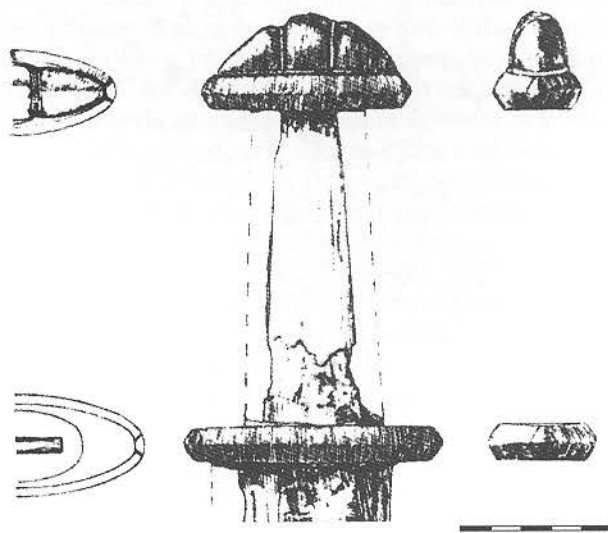

Рис. 8. Рукоять меча из Wijk bij Duurstede, Голландия (Уреу, 1964, p. 154,afb. 1)

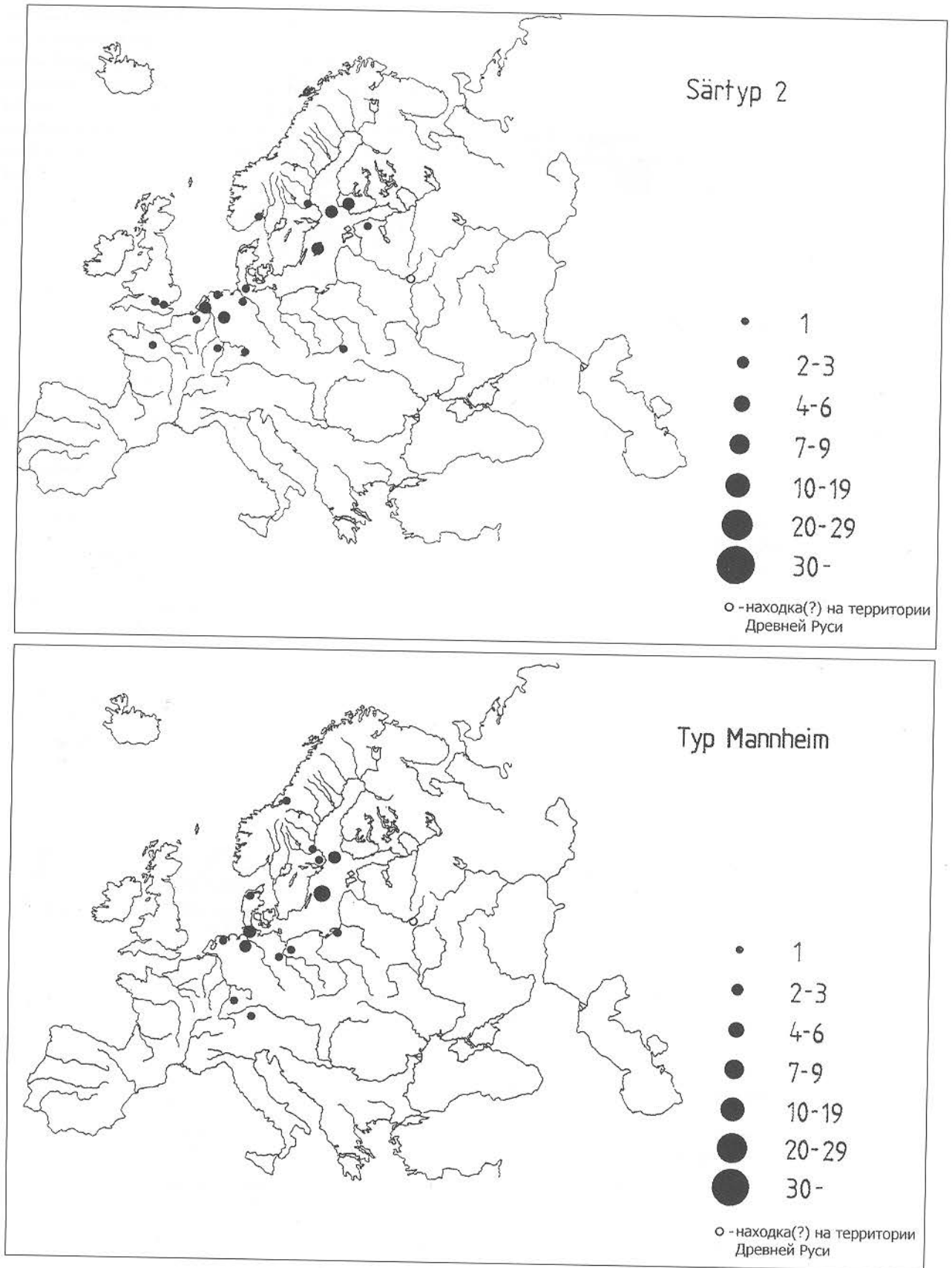

Рис. 9. Распространение мечей особого типа 2 и типа Mannheim (Jakobsson, 1992, p. 222, 231)

датирует мечи особого типа 2 в рамках раннего периода «эпохи викингов», хронологические рамки которого исследователь относит к 750–870 гг. (Андрощук, 2013, с. 157, с. 159, табл. VI: 1)⁸. Стратиграфический контекст находки детали на вершиях в Гнёздово не позволяет датировать время ее археологизации ранее второй четверти X в. (Авдусин, Пушкина, 1987, с. 24–32; Авдусин, Пушкина, 1988, с. 148–159).

Обнаружение мечей ранних типов на памятнике, где пока не выявлены закрытые комплексы, датирующиеся ранее X века, требует своего объяснения. Одно из них, кажущееся наиболее очевидным, – найденные детали принадлежали мечам, пережившим время своего бытования на основной территории распространения мечей «каролингского» типа. Будучи ценными и редкими для восточноевропейской территории предметами, мечи и в особенности их детали, которые иногда перемонтировались на другие клинки, могли иметь значительно более длительный период бытования, нежели в Западной и Северной Европе⁹. Данное предположение кажется наиболее вероятным в случае с гнёздовской деталью меча типа В, особенно учитывая находку детали меча этого типа (или родственного ему типа Dupin) в Новосёлках.

Но нельзя исключать и того, что активная деятельность на территории поселения в X веке уничтожила более ранние слои. Возможным подтверждением этого служат и другие найденные при раскопках поселения предметы, чья верхняя хронологическая граница не выходит за рамки IX века. Выявление всего «раннего» материала среди гнёздовских коллекций еще не завершено, но уже сейчас очевидно, что это довольно представительная и разнообразная группа предметов.

К раннему снаряжению всадника относятся две шпоры с зацепами, загнутыми вовнутрь. По типологии Я. Жака, одна шпора принадлежит к типу А, вторая – типу В (III технологический тип) (рис. 10: 4). Шпоры типа А на основной территории распространения (Центральная Европа) датируются VI–VIII вв., типа В – VI – началом IX в. (Zak, Mackowiak-Kotkowska, 1988, с. 97, gys. 3)¹⁰.

⁸ Исследователь в тексте монографии (в том числе и в каталоге) объединяет эти два типа меча, хотя и отмечает, что в историографии было предложено выделять особый тип Mannheim (Андрощук, 2013, с. 38–39).

Ф.А. Андрощук все мечи типа Mannheim обозначает как особый тип 2 (напр., № 116, 136, 183 в «Каталоге мечей эпохи викингов...»).

⁹ Подобные случаи известны и в Северной Европе. Например, перекрестие меча типа В обнаружено при раскопках поселения Бирки (Швеция) в слое, датирующемся 950–975 гг. (Андрощук, 2013, с. 201).

¹⁰ На территории Древней Руси шпоры с загнутыми вовнутрь зацепами найдены в Волковыске и Дорогобуже в контекстах, датирующихся X в. (Зверуго, 1975, с. 112, рис. 34, 1; Прищепа, Никольченко, 1996, с. 112–113,

Среди височных колец, найденных при раскопках гнёздовского поселения, следует отметить три экземпляра. Первое кольцо схоже, но в мелких деталях и по качеству исполнения не идентично кольцам из Фотовижского клада, датируемого 760–770 годами (Комар, Стрельник, 2011, с. 162) (рис. 10: 1). Близкие по исполнению кольца найдены на Битицком городище, разрушенном не позже первой четверти IX века, Опошнянском городище (вторая четверть IX в.) и в катакомбе 74 Верхнего Салтова, относящейся к среднесалтовскому горизонту (790–835 гг.) (Комар, 2012, с. 147–151; Комар, Сухобоков, 2004, с. 166).

Второе височное кольцо, найденное 2012 году при раскопках Т.А. Пушкиной мысовой части городища, аналогично кольцу, происходящему из клада в кв. Уз Новотроицкого городища, отличаясь только материалом изготовления – латунь (рис. 10: 2). По типологии А.В. Григорьева, подобные кольца относятся к первому этапу развития лучевых серег и датируются второй половиной IX века (Григорьев, в печати). Существование Новотроицкого городища определяется в рамках 830-х – 890-х гг. (Комар, Сухобоков, 2004, с. 169).

Третье височное кольцо было найдено при раскопках И.И. Ляпушкина западной части Центрального селища (рис. 10: 3). Оно принадлежит к типу 2 лучевых колец по типологии А.В. Григорьева – лучевые кольца с треугольником, свободным от зерни в центре каждого луча (Григорьев, в печати). Подобные кольца найдены в жилище 24 Новотроицкого городища (830-е – 890-е), в составе Алпатьевского клада (конец IX – начало X вв.), на Супрутском городище (Мурашова, 2014, с. 126).

Также к ранним вещам, найденным при раскопках поселения, относятся дугообразная бронзовая фибула, принадлежащая к типу, распространенному в Фенноскандии во второй половине VI–VIII вв. (рис. 10: 8); сасанидская гемма, датирующаяся VI – началом VII вв. (рис. 10: 6); щиток византийской пряжки, орнаментальные аналогии которой относятся к VII в., а «форма, конструкция, оформление бордюра» – к VIII – первой половине IX в. (рис. 10: 5), обломок подковообразной фибулы, характерной для Шотландии (но встречающихся и производившихся в Норвегии) середины VIII – начала IX в. (рис. 10, 7) (Вешнякова, 1995, с. 68; Пушкина, 2003, с. 113; Енисосова, Пушкина, 2012, с. 71; Енисосова, 2002, с. 127–128).

Среди массовых находок, таких как, например, бусы, экземпляров, чье бытование ограничивается временем до X века, насколько известно по опубли-

рис. 68, 1). За исключением этих двух шпор остальные подобные шпоры (происходящие из западных регионов будущей древнерусской территории) датируются VII–VIII вв. (Петегрич, 2007, с. 110), что позволяет предположить происхождение волкововской и дорогобужской шпор из ранних, разрушенных слоев.

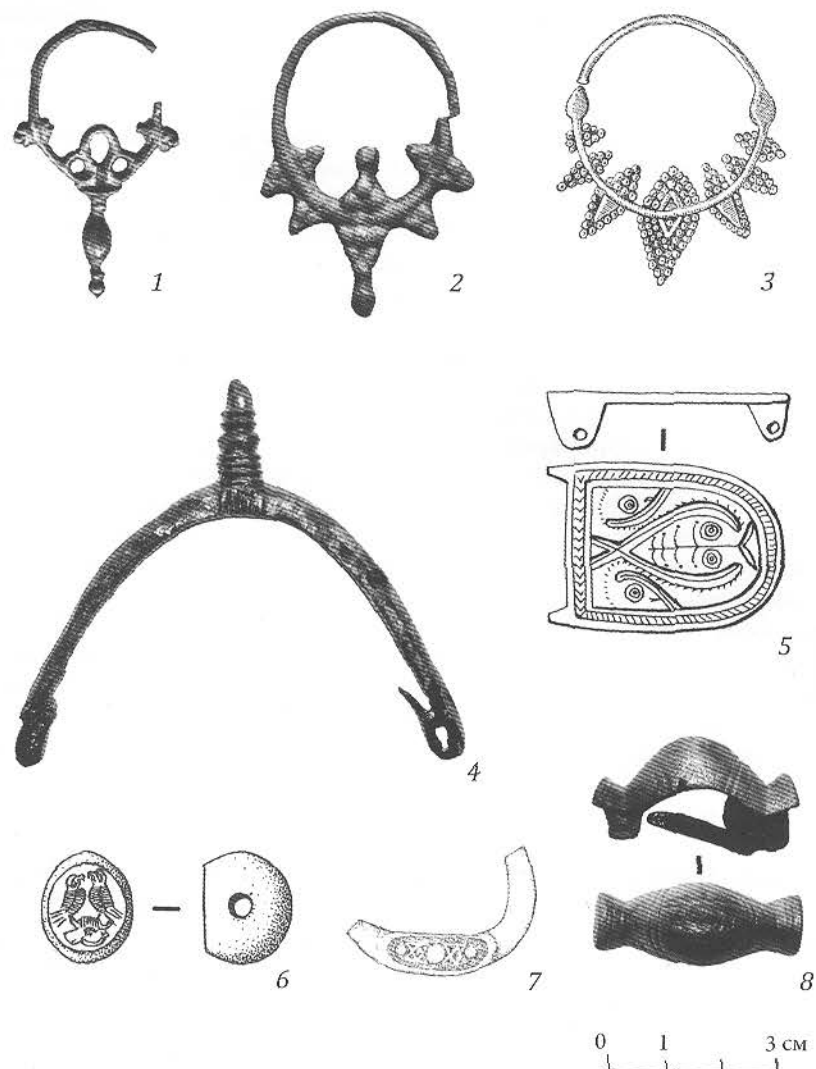

Рис. 10. Ранние вещи из раскопок Гнёздовского поселения:
1-3 – височные кольца, 4 – шпора, 5 – щиток пряжки,
6 – гемма, 7-8 – фибулы

кованным материалам, нет. Тем не менее при изучении бус Центрального городища О. П. Добровой был сделан вывод, что большая часть найденных бус датируется в рамках IX–XI вв. (Доброва, 2012, 2013). То есть несмотря на то, что пик их распространения по материалам Старой Ладogi приходится на X век, датировка части бус более ранним временем не исключена. Также в широких хронологических рамках, включающих IX век, датируются найденные при раскопках поселения гребни первой группы типа 1в, некоторые типы наконечников стрел и топоров, а также ряд украшений.

Все предметы, чья хронология «выпадает» из наиболее распространенных представлений о времени существования «дружинного» Гнёздова, найдены в археологическом контексте X века, за вероятным исключением височного кольца из

раскопок И. И. Ляпушкина. Оно обнаружено в заполнении остатков сооружения (№ 9) в сопровождении только лепной керамики, что не исключает датировки постройки IX веком (Вешнякова, Булкин, 2001, с. 47, 49). Несомненно, какая-то часть ранних предметов могла являться ювелирным ломом и хранилась как сырье для изготовления новых предметов. Другие вещи из-за своей редкости, красоты и т.п. могли просто пережить свое время. Тем не менее, с нашей точки зрения, определенная концентрация раннего материала позволяет оставлять открытым вопрос о существовании Гнёздова в период, предшествующий его расцвету в X веке. Интересно отметить, что среди ранних предметов представлены не только североευропейские, но и связанные с Днепровским Левобережьем и Центральной Европой.

Источники и литература

- Авдусин Д. А., Пушкина Т. А., 1988. Отчет о работе Смоленской экспедиции МГУ в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12251.
- Авдусин Д. А., Пушкина Т. А., 1989. Отчет о работе Смоленской экспедиции МГУ в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14423.
- Андрошук Ф. А., 2008. Древлянская земля в межрегиональных контактах IX–X вв. // Стародавній Искоростень і слов'янські гради. Т. 1. Коростень. С. 6–19.
- Андрошук Ф., 2013. Мечи викингов. Киев. 712 с.
- Асташова Н. И., Авдусин Д. А., 1972. Отчет о раскопках в Смоленске в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4927.
- Вешнякова К. В., 1995. Сасанидская печать из Гнёздова // Древние культуры и технологии : новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб. С. 64–70.
- Вешнякова К. В., 2005. История изучения мечей эпохи викингов // Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб. С. 307–331.
- Вешнякова К. В., Булкин В. А., 2001. Ремесленный комплекс Гнёздовского поселения (по материалам раскопок И. И. Ляпушкина) // Гнёздово : 125 лет исследования памятника / ред. В. В. Мурашова. М. С. 40–53. (Труды ГИМ. Вып. 124).
- Григорьев А. В., в печати. Лучевые серьги (височные кольца) культур роменского круга древностей.
- Доброва О. П., 2012. Полихромные бусы Центрального городища Гнёздова из раскопок 2004–2012 гг. // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства : материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения И. И. Ляпушкина (1902–1968) / ред. В. М. Горюнова. СПб. С. 215–218.
- Доброва О. П., 2013. Бусы из раскопок Центрального городища Гнёздова 2004–2012 гг. // Новые материалы и методы археологического исследования. М. С. 133–134.
- Ениосова Н. В., 2002. Украшения англо-саксонского и ирландского происхождения на территории Древней Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: связующие пути и организующие центры : Шестые чтения памяти А. Мачинской / ред. Д. А. Мачинский. СПб. С. 127–130.
- Ениосова Н. В., Пушкина Т. А., 2012. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. Вып. V. Киев; Судак. С. 34–85.
- Звяруго Я. Г., 1975. Древний Волковыск X–XIV вв. Минск. 144 с.
- Каинов С. Ю., 2001. Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечём из раскопок М. Ф. Кусцинского // Гнёздово : 125 лет исследования памятника / ред. В. В. Мурашова. М. С. 54–63. (Труды ГИМ. Вып. 124).
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л. (САИ. Е1–36).
- Комар А. В., 2012. Поляне и северяне // Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / ред. Е. А. Мельникова и др. М. С. 128–191. (ДГ, 2010 г.).
- Комар А. В., Стрельник М. А., 2011. «Репрессированный» клад: комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж // Stratum plus. № 5. 2011. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. С. 143–164.
- Комар А. В., Сухобоков О. В., 2004. Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности // Стародавній Искоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ. С. 159–173.
- Мурашова В. В., 2014. «Книга путей и стран» (Алпатьевский клад) // «Славяне и иные языци...» / ред. Н. И. Асташева. М. С. 116–131.
- Мурашова В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А., 2007. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово : результаты комплексных исследований памятника / ред. В. В. Мурашова. СПб. С. 31–77.
- Нефёдов В. С. Новосёлки и Гнёздово // XIV Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии : тез. докл. М.; Архангельск. С. 156–158.
- Нефёдов В. С., 2012. Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования Древнерусского государства по археологическим данным // Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / ред. Е. А. Мельникова и др. М. С. 270–299. (ДГ, 2010 год).
- Петегрич В., 2007. Поселенські структури V/VI–X ст. Верхньої Надбужанщини як підсонова формування Белзької та Червенської земель // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 11. С. 101–120.
- Петерсен Я. 2005. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб. 352 с.
- Прищепя Б. А., Никольченко Ю. М., 1996. Літописний Дорогобуж в період Київської Русі : до історії населення Західної Волині в X–XIII століттях. Рівне. 247 с.
- Пушкина Т. А., 2003. Находка редкой фибулы из Гнёздова // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб. С. 111–115.
- Пушкина Т. А., 2012. Центральное Гнёздовское городище (предварительные итоги изучения 2008–2012 гг. // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства : материалы Международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения И. И. Ляпушкина (1902–1968) / ред. В. М. Горюнова. СПб. С. 206–209.
- Пушкина Т. А., Мурашова В. В., Ениосова Н. В., 2012. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда. С. 243–273.
- Фетисов А. А., 2013. К вопросу о нижней дате Гнёздовского археологического комплекса и времени функционирования пути «из варяг в греки» // Грани гуманитарного знания : сб. ст. к 60-летию профессора С. П. Щавелева. Курск. С. 111–117.

Ширинский С. С., 1997. О времени кургана 47, исследованного у д. Гнездово в 1950 г. // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии : тез. докл. М.; Петрозаводск. С. 198–199.

Ширинский С. С., 2008. Материалы к изучению относительной хронологии курганов Поднепровья в эпоху легендарных князей Руси: Дира и Аскольда // Дьнеслово. Киев. С. 76–89.

Шмидт Е. А., 2005. Курганный могильник у поселка Новоселки // Курганные могильники VIII–X веков центральной части Смоленского Поднепровья / ред. Ф. Э. Модестов. Смоленск. С. 146–210. (Смоленские древности, 4).

Androshchuk F., 2007. Rural Vikings and Viking Helgö // Cultural interaction between east and west. Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe, Stockholm. Studies in Archaeology, 44 / eds. U. Fransson, M. Svedin, S. Bergerbrant, F. Androshchuk. Stockholm. P. 153–163.

Callmer J., 2013. At the watershed between the Baltic and the Pontic before Gnezdovo // From Goths to Varangians. Communication and Cultural exchange between the Baltic and the Black sea. Black sea studies, 15 / eds. L. Bjerg, J. Lind, S. M. Sindbæk. Aarhus. P. 39–85.

Dunning G. C., Evison V. I., 1964. The Palace of Westminster Swords, Archaeologia, 98. P. 123–158. Pl. 275–XXXII–XLVI.

Geibig A., 1991. Beiträge zur morphologischen Entwicklung des Schwertes im Mittelalter. Offa-Bücher, Neumünster. 375 S.

Jakobsson M., 1992. Krigarideologi och vikingatida svärdstypologi. Stockholm. (Stockholm Studies in Archaeology, 11).

Jankuhn H., 1939. Eine Schwertform aus karolingischer Zeit. Offa 4. S. 155–168.

Kainov S. Yu., 2012. Swords from Gnezdovo // Acta Militaria Mediaevalia VIII / ed. P. Kotowicz. Kraków; Rzeszów; Sanok. S. 7–68.

Menghin W., 1980. Neue Inschriftenschwerter aus Süddeutschland und die Chronologie karolingischer Spaten aus den Kontinent // Vorzeit zwischen Mainz und Donau. Erlanger Forschungen, Reihe A, Band 26 / ed. K. Spindler. Erlangen. S. 227–272.

Peirce J., 2002. Swords of the Viking Age. Woodbridge. 152 p.

Petersen J., 1919. De norske vikingesverd, Kristiania. 238 p.

Raudonikas W. J., 1930. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm. 151 S.

Stein F., 1967. Adelsgräber des 8. Jahrhunderts in Deutschland. Berlin. 438 S.

Simonsson H., 1964. Studie rörande vikingatida vapen och ryttargravar med utgångspunkt från det västmanländska materialet. Bachelor work. Uppsala University. 1969.

Ypey J., 1964. Vroeg-middeleeuwse wapens uit Nederlandse verzamelingen // Berichten van de rijksdienst voor het oudheidkundig bodemonderzoek. P. 153–176.

Zak J., Maćkowiak-Kotkowska L., 1988. Studia nad uzbrojeniem środkowo-europejskim VI–IX wieku. Zachodniobałtyjskie i słowiańskie ostrogi o zaczepach haczykowato zagiętych do wnętrza. Poznań. 417 p.

Summary

S. Y. Kainov

Finds of Swords Details of Early Types in Gnezdovo

This article introduces into the academic literature two items discovered in the course of excavations within the territory of the Gnezdovo settlement in an archaeological context dating from the 10th century. They are parts of hilts from swords of Type B (the base of a terminal) and of a special Type 2 or Mannheim sword (upper part of the terminal). The period when swords of these types were in use falls within the 8th–9th centuries, which does not coincide with the point of view of most scholars with regard

to the time when the Gnezdovo armed force (druzhina) was functioning in the late-9th and early-10th centuries. It is possible that the parts discovered came from swords, which had outlived their usefulness within the main territory where swords of the «Carolingian» type were widespread. Bearing in mind the other objects found at the site dating from before the 10th century, it is possible that activity within the territory of the settlement in the 10th century destroyed earlier layers.